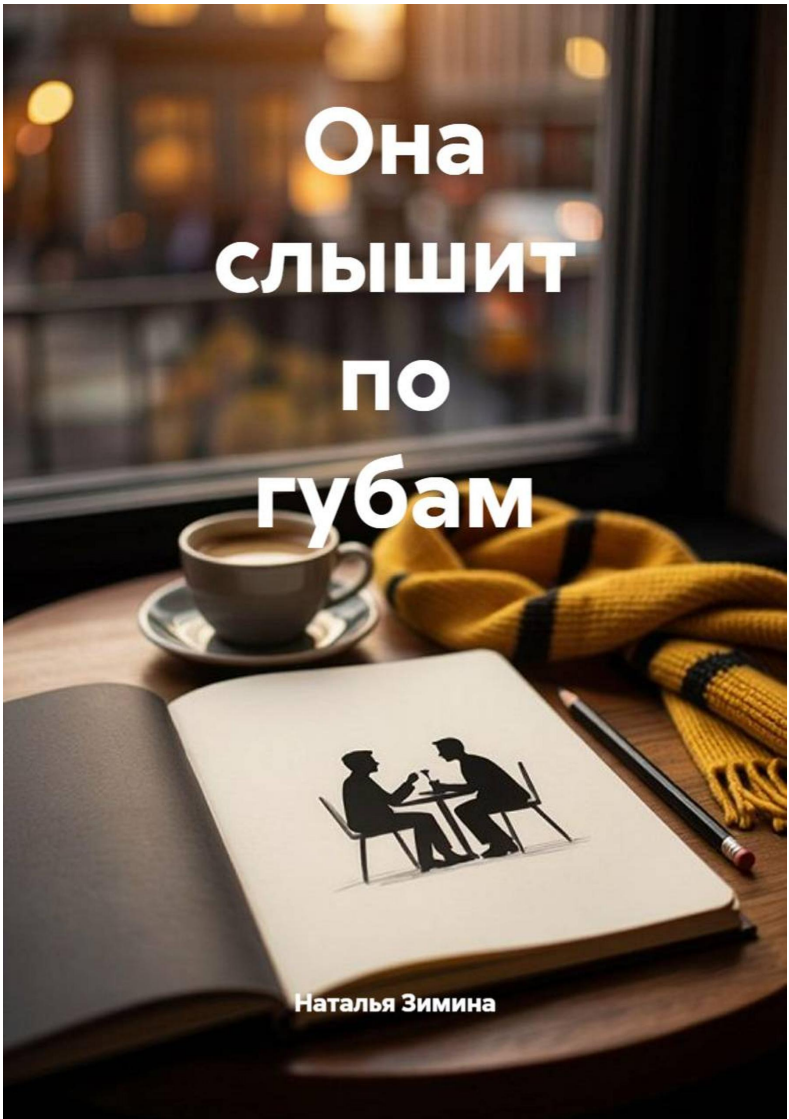
Она слышит по губам



Наталья Зимина

Наталья Зимина
Она слышит по губам

https://litres.ru/74914033
SelfPub; 2026

Аннотация

Ася не слышит с шести лет — зато читает по губам со скоростью речи и точностью стенографистки. Она иллюстратор: сидит в кофейне с альбомом и рисует чужие разговоры. В обычную пятницу она случайно прочитывает то, что не должна была: «В пятницу. После десятого. Мост. Она не должна доехать. Шарф останется».

Жёлтый шарф с чёрными полосами — такой в городе один. Ася связала его сама. Для Зои — сурдопереводчицы, своей лучшей подруги.

Заявление «глухая услышала убийц» в полиции — жанровый анекдот. Пока не находится молодой опер Соловьёв — сын глухой матери, который верит губам больше, чем ушам. Дальше — ночь на мосту с приманкой вместо подруги, «глухая, ты ничего не слышала», семь швов и охота на единственного свидетеля, которого «не существует».

Психологический триллер о том, что глухота — не слабость, а другое устройство мира: читать лица, слышать ладонью, кричать сердцем. И о том, что самые страшные преступления — те, о которых «и так все знают»...

Наталья Зимина
Она слышит по губам

ГЛАВА 1. ПРИВЫЧКА ЧИТАТЬ

Меня зовут Ася. Мне двадцать девять, я не слышу с шести лет — менингит забрал слух за четыре дня, как злой хозяин выносит из квартиры мебель: сначала пианино, потом телевизор, потом даже тиканье часов.

Осталось одно ухо — на четверть силы. Слуховой аппарат в нём — как фонарик с севшей батарейкой: светит, но недалеко. Зато глаза — мои главные уши. Я читаю по губам со скоростью речи и точностью, за которую в бюро переводов платят. Только меня туда не берут: «инвалидность — неудобно для клиента». Поэтому я иллюстратор. Рисую — а читаю — в кофейнях.

В кофейне «Бубль» на Пятой линии я сижу у окна, по вторникам и пятницам, с пяти до семи. Кофе — «флэт уайт», альбом — А3, карандаш — 2В. Люди вокруг разговаривают, и я читаю их губы — не из любопытства. По-другому не бывает: у глухого чтение губ — не навык, а среда. Как вы не можете «не слышать» крик за окном, я не могу «не прочитать» губы в поле зрения.

Больше всего я люблю рисовать разговоры. Не людей — разговоры: вот двое спорят, и их слова ложатся в линии; вот пара молчит, и их молчание — лучший сюжет. Я продаю эти

«портреты разговоров» на ярмарках: покупатели узнают себя и смеются. «Как вы услышали?!» — «Я не услышала, — говорю я. — Я увидела».

В ту пятницу я увидела то, чего рисовать не стала бы.

Немного о том, как это работает, — пригодится дальше. Чтение по губам — не волшебство и не сто процентов: из русской речи на губах различима примерно половина звуков; остальное — контекст, тема, лицо, руки, паузы. «Мама» и «папа» на губах одинаковы; я различаю их по бровям. Поэтому мы, читающие, похожи на переводчиков с полудиктовки: мы не «слышим» слова — мы угадываем их с точностью банкира.

Ещё: я читаю только то, что вижу в профиль-анфас. Отвернулись — тишина. Съёжились — обрывок. Хороший «читальщик» — это не подслушивающий, это смотрящий: на свет, на лицо, на правду. Меня годами учили этике: «читай — только — то, что — в — твоём — поле — зрения — случайно». Я стараюсь. В ту пятницу — нечаянно — получилось — лучше всех стараний.

ГЛАВА 2. СТОЛИК У КОЛОННЫ

Их было двое: мужчина лет сорока пяти — серое пальто, седые виски, лицо «серверной комнаты»: такое, что забываешь через секунду; и молодой, тридцать, спортивный, с рюкзаком, который он держал на коленях, как собаку. Они сели за дальний столик у колонны — где на губы падает тень от

бра.

Люди обычно говорят, глядя друг на друга. Эти говорили, глядя в стол. Я заметила их не ушами — глазами: слишком ровно сидели. Как манекены в витрине, которым забыли приклеить улыбки.

Я прочла — по привычке, между глотками, между штрихами. Мужчина в пальто — практически беззвучно, одними губами:

«В пятницу. После десятого».

Молодой, чуть слышнее — я поймала вибрацию через крышку стола кончиками пальцев, так я иногда «дочитываю» то, что губы не додают:

«Мост. Со стороны пролёта».

«Она не должна доехать».

Пауза. Молодой кивнул. Мужчина положил на стол ключ — маленький, с биркой — и накрыл его ладонью, как накрывают свечу от ветра.

«Шарф. Её шарф останется. Пусть подумают — сама».

Я нарисовала в альбоме чашку. Потом — ещё одну. Рука шла ровно, а внутри всё сжалось, как перед прыжком в холодную воду: может, кино обсуждают? Сценарий? «Мост», «шарф», «сама»... Может, у них профессия такая — писатели?

Тогда я увидела деталь, которую не нарисовать в сценарии: молодой достал телефон, показал экран. На экране была фотография женщины. Я не разглядела лица — слишком

далеко. Но я разглядела шарф. Жёлтый, с чёрными полосами по концам. Такой шарф — один на весь город: я видела его месяц назад. На Зое.

ГЛАВА 3. ЗОЯ

Зоя — сурдопереводчица. Наша: глухих в городе «наших» много, а переводчиц, которых любишь, — единицы. Зое тридцать четыре, она смехливая, руки — как птицы: даже скучное «оплата коммунальных услуг» в её исполнении выглядит как танец. Она переводит в поликлиниках, в судах, в фонде «Слышащий мир» — где я веду кружок рисования для глухих детей.

Жёлтый шарф с чёрными полосами — я связала его Зое сама, на прошлый день рождения. Одна штука. В мире.

Я собрала альбом, не допив кофе. Губы у меня дрожали — свои губы я, к слову, тоже читаю: в отражении окна они складывали «Зоя. Зоя. Зоя».

Что я знала: «в пятницу», «после десятого», «мост», «пролёт», «она не должна доехать», «шарф останется». Сегодня — четверг.

Что я умела: читать, рисовать, запоминать лица. Что я не умела: быть услышанной. В моём положении заявление в полицию — жанровый анекдот: «глухая услышала убийцу». Но попробовать — была обязана. Если Зоя в пятницу поедет через мост — с этим шарфом — я себе этого не прощу.

ГЛАВА 4. УЧАСТОК

Дежурный на участке прочёл мою записку, потом справ-

ку об инвалидности, потом снова записку. Вид у него был, как у человека, которому предложили собрать кубик Рубика ногами.

— Девушка... вы не слышали? Вы — прочитали?

— Прочитала. По губам. Я читаю со скоростью речи.

— Это... — он поискал слово, — ...показания? Или «мне показалось»?

— Показания. Двое. Столик у колонны. «В пятницу, после десятого, мост, она не должна доехать, шарф останется». Я могу описать обоих. Рисовать — умею.

Он ушёл советоваться. Через десять минут вернулся с другим — молодым, тонким, с усталыми глазами и значком «старший лейтенант Соловьёв».

Соловьёв сел напротив, положил перед собой лист, взял ручку — и вдруг сказал... нет — вдруг показал: руки его сложили короткую, чёткую фразу. На языке жестов. Правильно, с наклоном, как говорят те, у кого глухие родители.

«Вы. Видели. Что?»

Я моргнула. За двадцать три года глухоты ни один человек в форме не сказал со мной на моём языке ни слова.

«Разговор», — ответили мои руки. — «Двое. Пятница. Мост. Женщина».

Он кивнул — и перешёл на голос, чётко, глядя мне в лицо. С человеком, который смотрит в лицо, говорит и не отворачивается, понимают друг друга любые.

— Значит так, Ася Львовна. Рисуйте мне обоих. И этот...

шарф. У меня мама — не слышит. Я верю губам больше, чем ушам: ушами — можно обмануться.

ГЛАВА 5. СКЕТЧИ

Мы сидели в кабинете Соловьёва до полуночи. Я рисовала. Он смотрел, как я рисую, — и это было ново: обычно смотрят на результат, а он — на процесс. «Вы начинаете с носа, — сказал он. — Почему?» — «Нос — центр лица. От него — губы. От губ — всё». — «Мама так же говорит. Только она начинает со лба: „лоб — это небо, Ася, всё остальное — погода“».

Первый скетч — мужчина в сером: я дала ему плоское лицо, редкие брови, очки в тонкой оправе, небольшую родинку над правой губой — по родинкам я узнаю людей быстрее, чем по отпечаткам. Второй — молодой: квадратная челюсть, спортивная посадка плеч, шрам на левой брови, рюкзак с двумя молниями.

— Второго, кажется, знаю, — сказал Соловьёв не сразу. — Гарин. Бывший охранник, «крышевал» что-то мелкое. А вот серого — не знаю. Хорошо рисуете, Ася Львовна. До... — он замялся, — ...до неприлично хорошо.

— Хотите — нарисую вас?

— Не надо. Я некрасивый, когда думаю.

— Все некрасивые, когда думают. Это честный портрет.

Он усмехнулся. Усталость у него была не «сменная», а «годовая» — я такие лица собираю в отдельную папку альбома: «люди, которые держат».

Утром скетчи разошлись по отделу, как горячее по тарелкам: «Гарин! Точно он» — «А серый? Серый — кто?». К обеду на «серого» нашлись трое «похожих» — все как один не то. Я поняла разницу между «похож» и «тот»: похоже — лицо; тот — посадка. Посадку не подделаешь: её носит вся жизнь.

Соловьёв вернул мне скетчи с одной припиской на полях, от руки: «Рисуйте всегда. У вас — лучше камер: камеры — видят, вы — понимаете». Бумажку я вклеила в альбом. Вторую — самую важную — бумажку за этот год.

ГЛАВА 6. ПЯТНИЦА. ПЛАН

План был простой и мне не нравился. Соловьёв: «Мы не можем охранять её круглосуточно без повода — суд не даст. Но можем сделать так, чтобы Зоя в пятницу на мост не поехала».

Зою вызвали «на консультацию» в отдел — на вечер. Формально — «по вопросам перевода для следствия». Фактически — пересидеть десятый час в безопасном месте. Мост — взять в наблюдение: две машины, Соловьёв — на пролёте.

— А если они не придут? — спросила я. — Если увидят охрану?

— Тогда придут в другой день. Мы в худшем положении, чем они: мы обязаны успевать всегда, они — один раз.

— Возьмите меня на мост.

— Нет.

— Возьмите. Вы не сможете читать их губы на ветру, в темноте, на расстоянии. А я — смогу. Вы слышите шаги — я читаю лица. Вчетвером у нас четыре органа чувств, а с вами — три.

Соловьёв долго молчал. Потом сказал фразу, которую я запомнила наизусть — жестами, губами и почерком его рапорта:

— Хорошо. Но только в машине. Дверь — заперта. Если что-то пойдёт не так — вы свидетель, а не участник. У меня мама не слышит, Ася. Я знаю, что вы не хрупкая. Но у меня — правила.

ГЛАВА 7. ЗОЯ. РАЗГОВОР

Перед ночной сменой меня пустили к Зое — «объяснить, почему она тут сидит». Зоя увидела мои руки — и прочла всё раньше, чем я договорила: «Кто-то хочет меня убить?! За что?! Я — переводчица! Худший мой грех — я перевожу медленно для нетерпеливых!»

Мы говорили час — руками, губами, карандашом. Зоя шутила — и это были «шутки страха»: я их знаю по детям из кружка. Потом вдруг перестала шутить:

— Ась. А если это — из фонда?

— Почему из фонда?

— У нас... — она оглянулась, хотя в комнате, кроме нас, были только мои карандаши. — Я перевожу там встречи. Год перевожу. И я что-то... не услышила — увидела: бумаги, цифры. Директриса, Ветрова, говорит одно, а в отчётах —

другое. Я не бухгалтер, но я переводчик: я замечаю, когда слова не совпадают с жестами. Там — не совпадает. Я снимала копии. На всякий случай. Они у меня дома, в коробке из-под акварели.

В пятницу, после десятого, Зоя собиралась везти эти копии юристу фонда — своему знакомому. Через мост.

— Зоя. Почему не мне сказала?

— Ась. Ты — художница. Тебе — краски, дети, ярмарки. Я не хотела, чтобы в твоей жизни были такие документы.

Вот так: тебя хотят убить, а ты защищаешь друга от бумаги.

ГЛАВА 8. МОСТ

Ночь. Мост — старый, пролётный, с чугунными решётками и фонарями через один. Ветер над водой сильный: волосы — в лицо, шарфы — в трубу. Мы с Соловьёвым в «буханке» на парковке у пролёта: у меня — термос, блокнот и театральный бинокль, подарок клиента за «портрет разговора»; у него — рация, терпение и взгляд, который я читала сбоку: спокоен.

В 22:40 на мосту появилась Зоя. Не наша Зоя — сотрудница отдела Валентина: «приманка», в жёлтом шарфе — настоящем, Зоя отдала — и в Зоиных сапогах. Она шла медленно, как идёт женщина, которая боится, но уже решила.

В 22:52 я увидела их. Сначала — фигуру у решётки: спортивная посадка плеч, шрам на брови. Гарин. Потом — вторую, от фонаря: серое пальто, руки в карманах. «Серый».

Я читала через бинокль, сквозь ветер, вполовину губ: рука Гарина — к карману. «Серый» кивает. Валентина — между ними, в десяти шагах.

Ветер дул с залива, и бинокль плясал. Я прижимала его к глазницам, как прижимают самое дорогое, и читала не всё — кусками: «...быстрее... не стоять...». Читала — и рисовала в блокноте, не глядя, «стенограмму» стрелами: кто — куда — когда. Руки помнили лучше глаз: наутро я восстановила по этим стрелам всю сцену до секунды.

И тут случилось то, чего не было ни в одном плане: из-за решётки, с опоры, поднялся третий. Крупный, в капюшоне, с арматурой. У Гарина из кармана — рукоять.

Я стукнула Соловьёва кулаком по плечу — дважды: «третий, слева, опора». Он уже видел. Рация — к губам. По мосту — беззвучно для меня — пошли фонари: оперативники, с двух сторон, как крылья.

Что было дальше, я знаю по своим глазам, не по ушам: крик — я увидела его по шее Валентины; Гарин бросил рукоять в воду — дуга, всплеск, который я почувствовала ладонью на стекле; «серый» повернулся — и пошёл. Не побежал — пошёл ко мне. К «буханке». Соловьёв выскочил наперерез, и в этот момент я поняла, что дверной замок щёлкнул давно: «правила», «свидетель», «заперто».

Он подошёл. Серое пальто. Родинка над губой. Поднял руку — постучал в стекло костяшкой, вежливо. И сказал.

Я прочла по губам четыре слова, которые заберёшь с собой навсегда:

«Глухая. Ты — ничего — не слышала».

ГЛАВА 9. СТЕКЛО

Дальше — секунды, которые я помню кадрами. Соловьёв — между «серым» и машиной, руку — под куртку (жест я знаю по фильмам, но, оказывается, в жизни он — другой: короче, будничнее). «Серый» — остановился. Поднял ладони — «я просто спросить» — и улыбнулся. Улыбку я тоже прочла: без губ, одними глазами: холодно и внимательно, как читают инструкцию к чужой жизни.

Их разговор я видела снаружи, через стекло, по спинам и затылкам. Потом Соловьёв — открыл мою дверь — сам. В салон. «Сидите». Сел рядом. «Серый» пошёл с моста — шагом, не оборачиваясь. На середине пролёта — поднял телефон. И сфотографировал. Не мост. Не Валентину.

Меня.

ГЛАВА 10. ПОСЛЕ

Гарина взяли на мосту — с рукоятью уже в воде, но с третьим «сообщником» и арматурой — «при попытке». Третьего — тоже: Рогозин, «спортсмен-универсал», судим. Валентина — жива, ревёт в «буханке» через две машины от нас: «я актриса, между прочим, я так боялась!» — «теперь — так не бойтесь: у вас — талант», — сказал Соловьёв.

А «серый» — растворился. По протоколу — «лицо, подходившее к автомобилю»: не задержано — не за что. Он не

сделал ничего. Он только постучал.

— Он меня сфотографировал, — сказала я Соловьёву.

— Видел. Теперь вы — не только свидетель, Ася Львовна. Теперь вы — улика. Со своей стороны.

— Что это значит?

— Это значит: спать — дома нельзя. Кружок ваш — отменяется. И рисуете вы мне этого «серого» — так, чтобы он висел на каждой стене города. Портрет — тоже оружие.

Меня поселили «на конспиративной» — смешное слово: обычная двушка оперативника, книги, кот и кофеварка. Кота зовут Пуант. Кот — слышащий, но делает вид.

ГЛАВА 11. ПОРТРЕТ-ОРУЖИЕ

Я рисовала «серого» четыре раза. Не «лучше» — иначе: с разных дистанций, при разном свете, с возрастной вариацией «минус пять лет» (по родинке и посадке глаз я умею «отматывать» лица — это моя профессиональная ловушка: лицо помнит молодость).

Пятый вариант Соловьёв взял в руки и сказал: «Стоп». — Что? — «Вот. Это — он. Откуда?» — «Я убрала усталость. Так выглядел бы человек, который выспался». — «Ася. Я этого человека знаю. Это... — он свернул лист, — ...это Лунц. Артур Лунц. Бухгалтер фонда „Слышащий мир“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.